

—

Цзян Чжуо тут же почувствовал ужасную головную боль: «Почему ты отказываешься? Разве плохо, что я приехал за тобой?»

Цзян Синбай уставился на Лу Ичуаня: «Ты же обещал, что отвезешь меня домой».

Мужчина приподнял веки и взглянул на него: «Я ничего не обещал, это ты сам сказал».

Он обратился к Цзян Чжуо: «Я его привел, а теперь мне пора».

Увидев, что он собирается уйти, Цзян Синбай забеспокоился и протянул руку, чтобы схватить его за руку: «Ичуань...»

Не успел он договорить, как Лу Ичуань вдруг резко отбросил его руку.

Цзян Синбай остолбенел от его внезапного поступка, и только через некоторое время пришел в себя, обнаружив, что схватил его за часы на руке, и ледяное прикосновение браслета тут же заставило его глаза наполниться слезами.

«Почему ты оттолкнул меня? Только потому, что я коснулся твоих часов?»

Цзян Чжуо, видя, что ситуация неблагоприятна, поспешно вышел из машины.

Лу Ичуань поправил часы, его лицо было мрачным, он взглянул на вышедшего из машины Цзян Чжуо: «Цзян Чжуо, следи за своим братом, если это повторится, мое терпение не будет таким хорошим».

«Цзян Синбай...» Голова Цзян Чжуо ужасно болела: «Что ты с ума сошел, быстро иди со мной».

«Я сошел с ума?» Цзян Синбай посмотрел на Лу Ичуаня, многодневные обиды наконец-то вырвались наружу: «Разве ты не видел? Только потому, что я коснулся его часов, он так поступил со мной, разве не потому, что эти часы подарил тот самый человек!»

Лицо Цзян Чжуо наконец изменилось, он схватил Цзян Синбая и запихнул его в машину.

Он запер дверь машины, прежде чем осмелился обернуться и посмотреть на Лу Ичуаня.

Мужчина просто стоял под деревом, весь погруженный в тень, темный и мрачный, даже черты его лица были поглощены тьмой, ни один луч света не проникал сквозь нее.

Цзян Чжуо открыл рот: «Он выпил, говорит чепуху, не обращай внимания...»

В конце концов, он закрыл рот. Не то чтобы ему нечего было сказать, просто он понял, что, похоже, ничего не поможет.

Цзян Чжуо вдруг немного испугался смотреть на Лу Ичуаня, стоявшего в тени, поспешно попрощался с ним и уехал с Цзян Синбаем.

Цзян Синбай на пассажирском сиденье все еще плакал.

Цзян Чжуо был раздражен его плачем и рявкнул: «Перестань плакать!»

Цзян Синбай перестал плакать: «Гэ, даже ты меня ругаешь?»

Машина ждала зеленого света, Цзян Чжуо беспомощно вытер лицо: «Я не ругаю тебя, просто на этот раз ты действительно переборщил. Ты волен общаться с кем хочешь, но я искренне советую тебе держаться подальше от Лу Ичуаня. Он не так хорош, как ты думаешь».

Цзян Синбай шмыгнул носом: «Разве я недостаточно хорош? Когда за эти годы я так унижался перед кем-то? Но почему он все еще так поступает со мной?»

Цзян Чжуо: «...»

Получается, он ни слова не слышал из того, что он только что сказал.

«Это не твоя проблема, это проблема Лу Ичуаня. Он болен, ты понимаешь? Ты не сможешь согреть его сердце».

«Тогда почему Цзян Хэн может?»

Услышав это имя, Цзян Чжуо резко замер.

За эти четыре года это имя почти стало для них запретной темой, каждый раз, когда его упоминали, это делалось вскользь, но неожиданно Цзян Синбай так внезапно его упомянул.

Цзян Чжуо смутно почувствовал, как будто что-то ужалило его сердце.

Цзян Синбай продолжал: «Скажи! Чем я хуже его? Я послушнее его, умнее его, почему он меня просто не любит?»

«Хватит!» Цзян Чжуо сказал: «Ты не должен сравнивать себя с ним».

«Почему я не могу сравнивать себя с ним?» Цзян Синбай стиснул зубы: «Все это должно было быть моим. Из-за него, посмотри, какой жизнью я жил раньше?»

«Я с таким трудом вернулся в семью Цзян, и что в итоге? Что они говорят обо мне? Говорят, что я не так красив, как он, говорят, что я не так приятен, как он, но ведь я же жертва!»

«Ведь именно я должен был вырасти с Лу Ичуанем, его любовь по праву должна была принадлежать мне, но из-за него, из-за него...»

«Цзян Синбай!» Цзян Чжуо резко нажал на тормоз и тихо рявкнул: «Мне кажется, ты действительно пьян, говоришь всякую ерунду!»

«Я не пьян! Я совершенно трезв...»

Цзян Чжуо прервал его: «Думаешь, если не будет Цзян Хэна, то на его месте окажешься ты?»

«Я тебе говорю, даже если его не будет, на его месте ты не окажешься».

«Рядом с Лу Ичуанем может быть только Цзян Хэн, а не младший сын семьи Цзян. Ты понимаешь? Он выбрал Цзян Хэна как личность, а не как статус Цзян Хэна».

Цзян Чжуо решительно произнес: «Ты знаешь, почему он так часто дарит тебе вещи?»

«Это совсем не потому, что у наших семей хорошие отношения, а потому что Цзян Хэн...»

«Узнав о твоей личности, он всегда чувствовал себя виноватым перед тобой, и ему не терпелось отдать тебе все, что у него было. Все деньги, которые он накопил за эти годы, он не взял ни копейки, и отдал мне до того, как ты вошел в семью Цзян, он сказал, что это твои вещи...»

На этом моменте голос Цзян Чжуо немного дрогнул: «Лу Ичуань хорошо к тебе относится, это он компенсирует Цзян Хэну его вину».

Цзян Хэн был добрым, поэтому он не хотел, чтобы Цзян Хэн после смерти все еще чувствовал вину перед Цзян Синбаем.

Лу Ичуань всегда хорошо притворялся перед Цзян Хэном, но Цзян Чжуо был тем, кто все эти

годы видел его насквозь.

Он все брал на себя ради Цзян Хэна, казалось бы, безропотно, но спокойно оборвал все связи Цзян Хэна с внешним миром.

Отец и мать Цзян, и он сам, и кто бы то ни было еще...

Под его «заботой» Цзян Хэн наконец все дальше и дальше отдалялся от них, он был как дрейфующая лодка, единственным прибежищем для которой была гавань Лу Ичуаня.

Даже если он умрет, он не позволит Цзян Хэну иметь никаких отношений с другими.

Цзян Чжуо увидел холод в глазах Лу Ичуаня, когда тот посмотрел на Цзян Синбая, и даже он не мог не почувствовать холодок по спине.

«С кем ты хочешь быть, мне все равно, но только не с Лу Ичуанем».

Все знали, что уход Цзян Хэна сильно повлиял на Лу Ичуаня, но со временем все проходит, и даже самые сильные раны заживают.

Но прошло четыре года, и Цзян Чжуо чувствовал, что он не только не успокоился, но и стал еще более безумным.

Это безумие скрывалось под его строгим и нежным лицом, никто не замечал никаких странностей, только Цзян Чжуо, который дружил с ним столько лет, смутно уловил что-то необычное.

«Не провоцируй его», — сказал он.

«Потому что я даже не знаю, что он может сделать».

—

Лу Ичуань не вернулся в общежитие, он взял такси и приехал на виллу.

Вилла была тихой и темной, пустой, без признаков жизни, и, глядя внутрь из прихожей, тьма, казалось, могла поглотить все.

Лу Ичуань включил свет, переобулся, и поднялся по лестнице.

Он прошёл в самую дальнюю комнату на втором этаже и толкнул дверь. Похоже, это была его спальня, но, как ни странно, там не было даже окна. Свет был тусклым и холодным.

Под светом лицо Лу Ичуаня было белее света.

Но его губы были красными, словно налитые кровью, ярко-красными.

Он снял с себя одежду одну за другой, переоделся в чисто черную одежду, черный цвет делал его еще бледнее, а его обнаженные запястья были похожи на кожу мертвеца в гробу.

Золотые часы на левом запястье были единственным ярким пятном на всем его теле.

Лу Ичуань подошел к книжному шкафу, схватился за дверцу и потянул ее, дверь открылась, открыв скрытый за ней потайной ход.

Он вымыл и продезинфицировал руки, а затем вошел.

Внутри была спрятана комната такого же размера, как и его спальня, и еще до открытия двери из щели пробивался красный свет.

Лу Ичуань положил руку на дверную ручку и умело ввел пароль.

Щелчок, дверь открылась.

Как только она приоткрылась, красный свет хлынул наружу.

Это была жуткая комната, насколько хватало глаз, стены были обклеены плотными желтыми талисманами, красные нити хаотично пересекали комнату, на них висели колокольчики, под колокольчиками висели бумажные талисманы, и как только он толкнул дверь, колокольчики тут же зазвенели в унисон.

Потолок был покрыт красной тканью, цвет которой был красно-черным, отдающим неприятным запахом, а бумажные деньги и бумажные фигурки были разбросаны по всему полу. Человек, придавленный ими, испытывал нехватку воздуха и чувство удушья.

А посреди стены был построен алтарь, на котором стояли не боги или будды, а цветная фотография, по бокам которой спокойно горели свечи.

Лу Ичуань сел на пол, скрестив ноги, зажег благовония и наклонился, чтобы поджечь бумажные деньги.

Запах благовоний витал в непроветриваемой комнате.

«Жунжун...»

Он улыбнулся, его голос был мягким, словно он боялся что-то потревожить: «Давно не виделись, в последнее время я был очень занят».

«В начале семестра я нашел подработку, работал в кафе, ты же говорил, что многие студенты подрабатывают сами, поэтому я пошел».

«Но я был слишком ленив, постоянно брал отгулы, и начальник потом меня уволил».

В этот момент, улыбка на лице Лу Ичуаня стала еще шире, свет свечей, отражаясь от красной ткани, падал на его лицо, придавая ему зловещий и призрачный вид.

«Но та статья, о которой я тебе говорил, была выбрана для публикации в журнале С, я так торопился, что не взял ее с собой, в следующий раз обязательно возьму и сожгу, чтобы ты мог посмотреть».

Он поднял голову, глядя на улыбающегося юношу на фотографии.

На заднем плане было голубое небо, под ногами — зеленая трава, юноша на фотографии был одет в оранжевую куртку, став самым ярким существом в этой комнате.

Лу Ичуань моргнул.

«Ты все еще сердишься на меня? Поэтому даже во сне не приходишь ко мне...»

Хотя ветра не было, пепел от сгоревших бумажных денег в тазу поднялся и осыпал его лицо.

«Жунжун все еще сердится на меня, верно? Сердишься, что я не пошел к тебе».

«Но они говорят, что если никто не помнит о призраке, то он может стать только бродячей душой».

«Скажи, если я уйду, что будет, если Жунжун станет бродячей душой?»

«Я не могу себе этого позволить».

Лу Ичуань опустил голову и глухо кашлянул пару раз.

Он сменил позу, выпрямил ноги и взял лежащую рядом бумажную фигурку с пустыми чертами лица.

Он достал приготовленный набор красок, окунул кончик кисти: «Недавно я встретил мастера, он сказал, что если нарисовать черты лица человека, которого хочешь увидеть, на бумажной фигурке, то его душа сможет быть заперта внутри».

«Но я всегда рисовал Жунжуна так, что он не похож. Учился долго, прежде чем осмелился показать тебе свою неумелость».

Окунув кончик кисти в тушь, он медленно и аккуратно вывел нос, затем рот, и только потом глаза.

На бумажной фигурке нельзя было рисовать зрачки, но Лу Ичуань, взяв кисть с красными чернилами, без колебаний нарисовал их.

«Не очень похоже, Жунжун не будет сердиться на меня, верно?»

Никто не ответил ему, бумажная фигурка в его объятиях улыбалась, сцена была жуткой и странной.

У стены в другой части комнаты стояла односпальная кровать, он поднял бумажную фигурку, положил ее на кровать, откинул одеяло и собирался лечь, но, казалось, что-то вспомнил и остановился: «Я сегодня кое с кем столкнулся. Мне нужно принять душ».

Сказав это, он открыл дверь и вернулся в соседнюю комнату. Золотые часы на его запястье покачнулись, циферблат все еще светился, но стрелки давно остановились.

Время на его руке остановилось навсегда.

Он поднял руку, расстегнул ремешок часов, обнажив жуткий и уродливый шрам на запястье, длинный, почти с палец шириной, он извивался, как сороконожка.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, насколько глубоким был порез.

Лу Ичуань провел кончиками пальцев правой руки по шраму и начал расстегивать одежду.

Когда он расстегнул вторую пуговицу, черная нить, завязанная у него на шее, выдернулась, и то, что было спрятано внутри, стало едва заметно, выглядя длинным и цилиндрическим.

По мере того как расстегивалось все больше пуговиц, содержимое наконец раскрылось в

холодном белом свете ванной комнаты.

Это был цилиндрический предмет, который он держал в руках день и ночь, полируя его до тех пор, пока он не превращался в нефрит и не излучал теплый блеск изнутри.

Издавека...

Похоже на фалангу пальца.

—

<http://bllate.org/book/14493/1282712>